

Генерал, барон Г. Х. Засс. Литография. 1836 г.

«Он храбрый, дельный, умный человек: он усмирил Закубанье и силой, и хитростью, не щадя ни своей, ни вражеской крови, несмотря на средства - то картечью, то пулей - и лучше его на место им занимаемое, не только не найти - выдумать нельзя... Он самое занимательное, оригинальное лицо, начиная с его усатой физиономии до разбитой пулями походки...»

А. А. Бестужев-Марлинский, писатель-декабрист. 1835 г.

«Он имел семь ран, полученных в сражениях и на дуэлях...»

Г. Атарциков, офицер-сослуживец. 1870 г.

«Полученные им в 1829 г. контузия в левый бок, в 1832 - рана пулей в правое бедро на вылет с повреждением кости, в 1834 - рана пулей в правую руку выше кисти с повреждением кости и в 1838 г. - рана пулей в левую ногу на вылет выше колена окончательно расстроили его здоровье...»

Б. А. Трехбратов, профессор-историк. 1997 г.

АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ

КРАСНОДАРСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
МЕЖДУНАРОДНОЙ АКАДЕМИИ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

АРМАВИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ «РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА»

ЛИКИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА. Вып. 1.

В.Б. ВИНОГРАДОВ

ГЕНЕРАЛ Г.Х.ЗАСС:

**«ОТСТУПЛЕНИЯ СО МНОЮ НЕТ
И НЕ БУДЕТ!»**

Армавир - 2000

АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ

КРАСНОДАРСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
МЕЖДУНАРОДНОЙ АКАДЕМИИ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

АРМАВИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ «РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА»

Лики российской истории
Северного Кавказа. Вып. 1

В.Б. ВИНОГРАДОВ

ГЕНЕРАЛ Г.Х.ЗАСС:

«ОТСТУПЛЕНИЯ СО МНОЮ НЕТ

И НЕ БУДЕТ!»

Под редакцией профессора
С.Л.ДУДАРЕВА

Армавир - 2000

*(Известному
археологу (и не только) =
= кавказскому
и дуачену нашему
С. Л. Дудареву
с любовью
1.06.00. Венич*

ББК 63.3(2)47
УДК 9(С) 15
В-49

© Армавирский госпединститут. Кафедра регионоведения и специальных исторических дисциплин. Виноградов В.Б. Генерал Г.Х.Засс: «Отступления со мною нет и не будет!» Лики российской истории Северного Кавказа. – Вып. 1. – Армавир, 2000. – 20 с.

Данным выпуском кавказоведческая научно-педагогическая Школа академика МАИ и АИП, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Кубани и Чечено-Ингушской АССР Виталия Борисовича ВИНОГРАДОВА начинает свой новый сериал изданий, адресованный вузовской и школьной интеллигенции, студентам и учащимся, всем, кто интересуется персонализированным освещением многомерной и прогрессивной в своей сущности интеграции России и Северного Кавказа в рамках досоветской истории единого многонационального государства. Он имеет свою "биографию" (см.: Виноградов В.Б. История Северного Кавказа в лицах: некоторые итоги и перспективы // Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани. Сборник тезисов. Шестой выпуск. – Армавир, 2000. – С. 221-222), основные штрихи которой замечены и получают всекое одобрение в авторитетных отечественных изданиях по истории России (см., например: Российский исторический журнал. – 1997. № 4. – С. 3; Сборник Русского исторического Общества. – М.: Русская панорама, 2000. – № 2(150). – С. 11, 145, 250 и др.).

Мнения и отклики будут с благодарностью рассмотрены по адресу: 352900, г. Армавир, Краснодарского края, ул. Р.Люксембург, 159, АГПИ, кафедра Регионоведения и специальных исторических дисциплин, проф. В.Б.Виноградову.

Рецензент – д.и.н., профессор Б.А.ТРЕХБРАТОВ (г. Краснодар).

ISBN 5-93750-011-3

ЛР № 47-34 от 22.11.1999 г.

*160-летию создания
Новой (Лабинской) Линии
посвящается*

В число весьма известных, сложных и противоречивых личностей, сыгравших большую роль в присоединении Кавказа к России, входит генерал и барон Григорий Христофорович Засс (1797-1883) - широко популярная в среде кавказцев фигура, подвергавшаяся долгие десятилетия умалчиванию или весьма одностороннему освещению. Так, даже на страницах фундаментального двухтомного обобщающего труда по истории народов Северного Кавказа (Москва: Наука, 1988) имя Г.Х.Засса совсем не упоминается. В последних историко-краеведческих очерках о прошлом Северо-Западного Кавказа (где и протекал самый активный отрезок службы генерала) оно звучит глухо, скороговоркой на фоне обстоятельных характеристик горских деятелей той эпохи (Хаджи-Мухаммед, Сулейман Эфенди, Магомед-Амин, Сефер-бей и др.). А в "национальных работах" по истории, например, Адыгеи, настойчиво педалируется "чудовищная жестокость" Засса "по отношению к непокорным горцам", полностью отрицаются "какие-нибудь значительные успехи царских войск в 30-40 гг. XIX в.", а приписывается им лишь "ряд ощутимых поражений". Все это далеко от объективности!

Лишь в отдельных новейших изданиях предприняты попытки суммировать все многообразие исторических сведений с целью отказа от одномерного подхода к личности и деятельности Г.Х.Засса, чего они, несомненно, заслуживают.

Курляндский немец по происхождению и преданный державной идеологии офицер, служивший России со времен европейских походов после изгнания Наполеона I, Г.Х.Засс собственноручно написал в 1841 г.: "...я служу на Кавказе 20 лет", и уже одно это ставит его в знаменитый ряд так называемых "ермоловцев", испытавших на себе вызванную самыми разными силами и причинами "Кавказскую войну" в ее первом периоде проявления. Сам генерал никогда не скрывал полного приятия военно-наступательных, предельно жестких (отсюда порой и жестоких) методов, применявшихся А.П.Ермоловым для усмирения воинственного, свободолюбивого, непостоянного и многоязычного региона.

В 1833 году, будучи в чине полковника, Г.Х.Засс командовал Моздокским полком на Терской Линии, где проявил во время походов в Чечню и Дагестан

(как прежде в османо-российской войне) свои незаурядные свойства: колоссальную личную храбрость, решительность и неустранимость характера. Ориентируясь именно на них, генерал-лейтенант Вельяминов, бывший в то время командующим войсками Кавказской и Черноморской Линий, назначил инициативного и деятельного офицера начальником Баталпашинского кордонного участка, по праву считавшегося самой опасной частью всей системы обороны России в Пятигорье и на Кубани. Притом Вельяминов предоставил новому начальнику исключительное право - для обеспечения пограничной Линии от набегов горцев и иных враждебных вылазок - действовать по личному усмотрению, без особого предварительного разрешения начальника Кубанской Линии. Это доверие свидетельствовало о многом! Оно должно оцениваться в контексте известных для начала 1830-х гг. предписаний Николая I об "усмирении навсегда горских народов или истреблении непокорных", конкретных планов в этом направлении фельдмаршала Паскевича и реализации их генералом Вельяминовым.

Уместно привести мнение выдающегося кубанского дореволюционного историка Ф.А.Щербины по поводу назревавших событий: "И вот с этим-то боевым офицером черкесам пришлось в первый раз серьезно считаться на Старой Линии в 1833 году. Засс начал свою деятельность с основательного знакомства с местностями, прилегавшими к кордонной Линии как с русской, так и с черкесской стороны. Составивши отряд из хоперских и донских казаков, из двух рот пехоты, с двумя конными орудиями, он направился с ними через Кубань и двинулся к р. Большому Зеленчуку. Черкесы, следя за движениями отряда, собрали большую партию, чтобы произвести нападение в удобном для них месте при возвращении отряда. Засс угадал их намерения и сам выбрал такую местность. Оставивши засаду из всей пехоты в лесистой балке на р. Зеленчук, он продолжал движение с остальным отрядом. Горцы, выбравши удобный момент, ринулись сразу всей массой в атаку на отряд. Засс быстро построил казаков в боевой порядок, дал два орудийных залпа картечью по приближавшимся горцам и в то время, когда они смешались, стремительно атаковал в свою очередь противника. Черкесы не выдержали удара и бросились к Зеленчуку в лес, но здесь их встретили залпами из ружей солдаты. Черкесское ополчение окончательно расстроилось, и горцы в одиночку и мелкими группами стали искать спасение в бегстве..."

С 1833 г. начинается как бы поворот в военных действиях линейных казачков..."

В результате целого ряда организационных, административных и военных мер Г.Х.Засс добился решительных успехов в наведении относительного спокойствия на вверенном ему участке Линии. Прежде всего, он за короткое время отучил горцев от вторжений через Линию незначительными партиями, а большие их отряды вообще собирались редко. О них Засс всегда заблаговременно узнавал от лазутчиков, и тогда, предупреждая нападение противника, сам пересекал границу и нападал на него, нанося поражение, если только тот заранее не отступал. "...Жители станиц, огражденные от внезапных вторжений, начали без страха заниматься полевыми работами, ездить по Линии во всякое время дня и ночи..."

Уже в том же году разноплеменные горцы, жившие в Закубанье до р. Лабь - кабардинцы, бесленеевцы, абазинцы, ногайцы, просили Засса о мире, выдавали аманатов (заложников - гарантов верности) и переселялись на указанные им плоскостные местности. В следующем году наблюдались лишь единичные набеги маленькими группками. Они доставляли немало волнений, забот и горестей, но общий климат "на кордоне" стал совершенно иным, чем прежде.

Выдержав проверку в самой "горячей точке", полковник Засс в 1835 году был назначен начальником всей Кубанской Линии. Он переехал жить в крепость Прочный Окоп (крупнейшую на этом отрезке кубанских берегов), где его резиденция и пребывала до конца кавказской службы военачальника. Притом, барон заблаговременно и весьма тщательно составил план "для ограждения и успокоения" очень значительной части Линии и Прочноокопского кордона от станицы Николаевской до границ Черноморского Войска. Прежде всего он сконцентрировал достаточно войск, удачно разместив их и дав строгие, ясные инструкции по первоочередным действиям.

Сам же поселился внутри земляной крепости в юго-восточной ее части в одноэтажном домике с верандой. За домом было заботливо выращено несколько деревьев и густо кустилась сирень. Поддерживая надлежащий порядок, это место стали значительно именовать "полковым садом".

В первый же день приезда новый начальник произвел строжайшую ревизию крепости. Он приказал дать немедленный ремонт обветшалому помещению для холостых офицеров, вынужденных снимать квартирки в соседней станице и в Форштадте. Ему не понравилось месторасположение порохового скла-

да в соседстве с кузницей и баней, после чего были произведены необходимые перемещения. Вследствие их окончательно обрисовалась и благоустроилась внутри валов Прочного Окопа немалая площадь, служившая плацом и целям меновой торговли с горцами в периоды мирного затишья на Линии.

А спустя год, Засс ввел регулярные прочноокопские ярмарки, которые проходили весьма торжественно и празднично, причем всегда в сопровождении большого военно-духового оркестра. Здесь многочисленные мирные, приязненные горцы приобщались к возможностям и нравам российского рынка, где, кроме фабрично-заводских товаров, неизменно пользовалась спросом соль - постоянный дефицит у скотоводов в кавказских горах.

Стойкая, бытующая до сих пор в краеведческих штудиях молва приписывает Г.Х.Зассу еще один элемент крепостного обустройства: по его-де приказу внутри валов Прочного Окопа был насыпан курган - специально для того, чтобы на нем рубить головы непокорным горцам.

Предание это порождено вольным толкованием некоторых зафиксированных источниками проявлений "варварских манер" начальника Кубанской Линии (о них речь пойдет ниже). Однако ни сам характер этой сохранившейся до наших дней внутрикрепостной привратной насыпи, служившей, очевидно, для сооружения на ней дозорной вышки дальнего обзора напольной стороны - самой уязвимой для гарнизона укрепления; ни сам состав информации письменных документов и свидетельств очевидцев не дают права считать искусственно насыпанный холм специально сооруженным местом жестокой казни воюющих против России кавказцев. Напротив, есть все основания утверждать, что местный (привнесенный с Востока) обычай отсекания головы убитым противникам был в ту пору распространен на поле боя, а вовсе не в тылу.

Питает предание одно из свидетельств декабриста Н.И.Лорера: "В поддержание проповедуемой Зассом идеи страха на насыпанном кургане у Прочного Окопа, при Зассе, постоянно на пиках торчали черкесские головы, и борды их развивались на ветру..." Но в нем нет ни намек на саму процедуру, ни утверждения о том, что это отнюдь не российское "батальное новшество" было обязано своим появлением именно Г.Х.Зассу.

Стоит в этой связи обратиться к страницам литературного произведения очевидицы многих событий тех лет в Прочном Окопе и вокруг него - Екатерины Лагиновой, издавшей под псевдонимом Е. Хамар-Дабанов роман памфлет "Проделки на Кавказе". Саркастически-ядовито, шаржировано воспроизводя в

нем образ генерала Засса ("пришелец с Запада, белокурый, с длинными рыжими усами", окруживший себя сплошь немцами, за что и крепость - его резиденция - получила у линейных казаков прозвище "Немецкий Окоп") и передавая исковерканной русской речью его разнос капитану, вернувшемуся из закубанского набега, писательница все же отобразила истинную ситуацию: "...До сорок тел убитых черкес и башка ни одну не привозил! что бы ты велел казак голова руби и притрочить к седло; да еще черкес пятнадцать ранен; взял в плен, на кой черт их? Голова долой и мне присылал!" Даже этот издевательски поданный монолог не оставляет сомнений в том, что кровавый "ритуал" творился далеко прочь от генеральской резиденции (от чего, разумеется, не становился гуманнее!)...

Как говорится, не убавлять, не прибавлять к "портрету" исторического лица ничего не нужно. Лицо это само бывает достаточно выразительно! Тем более, если это - генерал-майор, а потом и генерал-лейтенант действующей армии, командующий правым флангом Кавказской Линии. За такой личностью бывает много поступков!

В справочных изданиях второй половины XIX в. Г.Х.Засс аттестуется "одним из героев", "одним из выдающихся деятелей на Кавказе". Его чисто военные и административные действия, замыслы и предприятия освещены в тогдашней разнообразной литературе. Если суммировать наиболее яркие полководческие черты Засса, то получится весьма впечатляющая картина. Генерал прекрасно ориентировался в ландшафтных и иных природных особенностях Прикубанья, постоянно и умело пользовался широко разветвленной разведывательной сетью, состоявшей из сметливых лазутчиков (линейных казаков, горских перебежчиков, сознательных сторонников пророссийской ориентации и специально подкупленных агентов). Он создал мобильные, отлично обученные, с высоким моральным духом комбинированные отряды из пехоты, казачьей конницы и конных орудий, с которыми начал превентивные стремительные набеги вглубь вражеской территории, разрушая саму систему подготовки и осуществления горских рейдов в границы России. Притом постоянно поддерживались боеспособность и бдительность линейных крепостей, станиц и селений. Г.Х.Зассу была свойственна высочайшая личная храбрость, великолепное тактическое мышление, умение строжайше соблюдать тайну маневра, а также заботливость к войскам, разносторонняя находчивость во взаимоотношениях с кавказцами, проистекающая из глубокого освоения горской военно-

общественной психологии и методов "партизанской" борьбы. Все это вместе послужило созданию громкой, хотя и неоднозначной (в чем убедимся ниже) славы "боевого генерала, деятеля, не знавшего ни усталости, ни препятствий и жившего одною мыслию о разнообразных способах борьбы с горцами" (Ф.А.Щербина).

Еще в 1820-е гг. А.П.Ермолов выдвинул идею наступательного движения российских войск в Восточное Закубанье с последующим перенесением туда границы кордонной Линии. С 1837 по 1939 г. Г.Х.Засс всеми доступными средствами подготавливал почву для ее реализации, и в 1840 г. его настойчивость была вознаграждена: император утвердил штат по управлению так называемой Лабинской Линии, заселенной (причем эшелонированно!) казачьими станицами, располагавшимися под защитой российских крепостей, редутов, постов. В ходе этих предприятий Г.Х.Засс положил основание аулу черкесо-гаев (черкесских, горских армян), "выведенных" им под защитой российского оружия из лесистых предгорий и гор Закубанья. Этот аул (нынешний город Армавир) сыграл важную роль в истории включения региона в состав России.

Однако стоит, не теряя из виду военно-административный ракурс кавказского периода биографии генерала, сконцентрировать внимание на его личностных чертах, характере, дошедших, сохранных для нас следах его миропонимания и манеры повседневной жизнедеятельности.

Сделать это легко и трудно одновременно. Легко потому, что Засс был известен многим, и писали о нем многие и много. Достаточно вспомнить частые свидетельства и воспоминания сослуживцев и подчиненных (в том числе ссыльных декабристов и сочувствующих им лиц на Кавказе), строки литературных произведений и дореволюционных исследовательских работ (более поздние научные труды тут уже бесполезны, так как, культивируемая советской исторической наукой "печать имперского проклятия", густо, порой до неузнаваемости меняла лики прошлого!), наконец, фольклорные произведения, дошедшие до нас отголоски истинно народной (русской, казачьей, горской) памяти об этом деятеле. Казалось бы, при таком обилии исходных данных легко составить своего рода психологический портрет.

Но как противоречивы, часто взаимопротивоположны оценки людей, знавших и изучавших Г.Х.Засса! Один и тот же факт подвергается совершенно разной интерпретации у тех, кто дружелюбен, приязнен и понятлив к генералу и у других, кто не разделяет его мировоззрения, не может или не хочет понять и

принять внутренних мотивов его конкретных действий и проявлений. Спектр мнений будет представлен достаточно широко, а выводы предлагаем сделать читателю!

Ф.А.Щербина, прекрасно знавший многие источники, сформулировал свое понимание проблемы так: "...Горцы сразу поняли и верно оценили Засса. Со свойственной им наивностью детей, верующих в темные силы, они назвали его "шайтаном", то есть чертом и серьезно считали его чародеем. И не удивительно. Засс то неожиданно являлся с отрядом там, где трудно было даже предположить появление русских по недоступности, то устраивал для черкесов засаду, которая в голову не могла прийти самому хитрому горцу, то заставлял врасплох людей, которые всю жизнь привыкли бодрствовать и не выпускать из рук ружья и шашки, то хитростью заставлял горцев делать самые глупые ошибки в их военных предприятиях, то орлом пролетал со своим отрядом из края в край по черкесским землям и владениям.

В русской военной среде о Зассе ходила масса анекдотов, характеризовавших его как военного фокусника. В одном случае он превращал на глазах горцев порох в червонцы, в другом, при выстреле в него из пистолета он бросал пулю обратно в стрелявшего, в третьем он умирал на виду не только горцев, но и русских, и в ту же ночь пробирался в горные трущобы и громил черкесские аулы, население которых достоверно узнало о смерти "шайтана" Засса. Все это, если действительно происходило, то было, конечно, не серьезным военным искусством, а своего рода фокусничеством.

Но Засс был не только фокусником, но и замечательным знатоком военного дела и особенно тех местных условий, среди которых ему приходилось действовать. В этом, собственно, заключалась его сила и громадный авторитет".

Оставим в стороне упомянутую выше "массу анекдотов" (часть из них, между прочим, составляет заметную долю - от некрологов до сегодняшних статей о генерале Зассе!), хотя они по-своему и характеризуют изобретательность, даже изощренность зассовского ума, а также и его откровенную склонность к юмору (порой, правда, тяжеловесному). Все эти случаи довольно описаны (в самых разных вариантах) в уже цитированной литературе. Но даже внешность и характер Григория Христофоровича виделись его знакомцам очень разными.

Искренний и непосредственный в своем восприятии Н.М.Сытин аттестовал Засса "веселым, честным немцем", чьим открытым гостеприимством он и его друзья-декабристы "часто пользовались" в 1837 и последующих годах. Он

же подчеркивал, что Засс был известен тогда на Кавказе под именем "храброго генерала". Саркастический словесный портрет, нарисованный Е.Лачиновой, уже приведен выше. Рассудительный и спокойный декабрист А.П.Беляев рисует облик генерала так: "Генерал Засс был еще молодой, средних лет человек, высокий и стройный. Он носил серую черкеску с кинжалом у пояса - общий вид черкесов и казаков; с пронизательными голубыми глазами, с огромнейшей длины русыми усами, орлиным носом и чрезвычайно живыми движениями - он и наружностью своей поддерживал молву о его подвигах. Он приказал нам отправляться в отряд к своему полку, но ни слова не сказал об экспедиции. Он терпеть не мог, чтобы кто-нибудь знал о его преднамеренности движений и выражал соображения об его планах: их никто не знал. Так таинственно он вел свои дела..."

Н.И.Лорер почти о том же самом пишет, однако, совсем иначе: "С первого моего знакомства с Зассом меня поразила его рыцарская физиономия. Он высок ростом, имеет светло-голубые глаза и огромные висячие усы... В доме его постоянно преобладает какая-то таинственность, и я часто мысленно воображал себя в каком-нибудь ливонском замке, в сообществе таинственного рыцаря XV века. Часто случалось, что при гостях шепчут ему на ухо. Бывает адютант (доверенное лицо, -В.В.) такой-молча войдет в комнату, наклонится к Зассу, отрывисто произнесет какое-нибудь слово и исчезнет на короткое кивание головой таинственного начальника.

В его комнатах постоянно и во всех углах встречаешь людей с загадочными лицами. Может быть, во всем этом и крылось что-то в самом деле важное, а, может быть, Засс нарочно окружал себя тайной, чтобы сохранить к себе поболее уважения и страха - два чувства, сильно действующие на толпу". По тональности близко и мнение декабриста М.М.Нарышкина: "...Черкесы и без того боятся Засса. Вообще в Григории Христофоровиче много средневекового. И больше странности в характере, кажется, он ничего не любит".

Крайне резок отзыв В.С.Толстого - младшего сослуживца Г.Х.Засса "Одно исключение составлял Засс. Курляндец, без признака-образования и убежденный, имевший особые способности на вооруженный разбой на широкую ногу, которому, в случаях надобности наказать вероломство какого-либо туземного племени, Вельяминовым поручался набег, остальное же время этот славный генерал держал Засса, как говорится, на цепи". Хорошо уж то, что публикаторы "Заметок" В.С.Толстого, отметили, что "составленные им характеристики рус-

ских генералов весьма пристрастны... Автор не скрывает своего негативного отношения к "немцам"..." (и т.д.)!

Между тем, все только что приведенные свидетельства высокопрощенных, прогрессивно мыслящих деятелей России 1830-1840-х гг. в большей части своей не учитывают весьма серьезного психологического нюанса. Российский военачальник с европейской выучкой и кругозором, с большим и суровым опытом войны в Европе, Турции и на Кавказе не мог не ощущать того, что служебная карьера и судьба занесли его в край патриархально-средневекового уровня развития и состояния общественного бытия. Уместно привести слова Ф.А.Щербины: "...На большее черкесы не были способны, не доросли политически, не развились социально, не вышли из пеленок родового быта и связанных с ним воззрений на войну, грабежи и воровство, как на промысел; на убийство, как на законное возмездие, и на рабство, как на нормальный порядок вещей. Горец, окруженный ореолом храброго воина и свободолюбивого героя, далек был от общечеловеческих идеалов. В беззаветной любви к отечеству, в лучшем своем обычае - "куначестве" - он был близок к идеалам. Но и только. Во всех остальных видах деятельности горца к обычному праву примешивалось обычное зло... Этою мерою можно измерить сотни и тысячи случаев во враждебных отношениях черкесов с казаками".

К этому (не лишнему упрощенности, но и принципиальному одновременно) рассуждению кубанского историка стоит прибавить по-воински четкие фразы преемника Засса генерал-лейтенанта Гурко из циркулярного предписания 1843 года: "Так как истинные намерения горцев составляют тайну их предводителей, то повсюду предписывается крайняя настороженность и боевая готовность". Как видим, "таинственность" поведения российских военачальников имела вполне реальные прозаические причины.

Может быть, только что изложенное позволит хоть в какой-то мере понять "средневековость" поведения Засса? И тогда легче будет примирить ее с содержательной сутью воспоминаний офицера Лабинского казачьего полка Г.Атарщикова, много лет "состоявшего при Зассе": "Генерал Засс имел семь ран, полученных в сражениях и на дуэлях, хромал от раны на одну ногу, но был крепкого телосложения, силен, подвижен; лицо его было выразительное, энергичное, глаза приятные, быстрые, пронизательные; длинные русые усы, доходившие до груди; характер живой, восприимчивый, вспыльчивый, но добрый, веселый и в высшей мере решительный: сила воли непреклонна и храбрость, не

признававшая никаких опасностей. Барон Засс не любил оставаться один, а потому все офицеры, в особенности молодежь, ежедневно у него обедали и проводили остаток дня в веселых откровенных разговорах. Встречаясь таким образом постоянно со своими подчиненными, барон Засс имел возможность ознакомиться с характером, способностями и умом офицера и безошибочно давал каждому назначение во время экспедиций и набегов. Он знал, кого назначить в цепь, кого послать на рекогносцировку, кого употребить на самую отчаянную атаку и кого оставить в вагенбурге.

Вообще барон Засс был человек очень популярный и большой хлебосол, но не особенный гастроном: обеды у него были всегда простые, но сытные. Отправляясь в поход, он брал десяток и более верблюдов, навьюченных съестными припасами, потому что в походе у него продовольствовались не только все штабные офицеры, но и всякий, кто только не поленился прийти в его столовую кибитку или к раскинутому под деревом коври. Между тем, многие, не знавшие близко Засса, считали его человеком жестоким, чуть не варваром, забывая, что он имел дело с полудикими воинственными племенами, которые уважают лишь одну силу, храбрость, крутые меры и некоторые принятые у них самих обычаи, немислимые в европейской войне, как, например, отрубать у убитых неприятелей головы и выставлять на шести, что делал и барон Засс в первый год прибытия своего на Кубанскую Линию подчиняясь пословице: "С волками жить, по-волчьи выть".

Последняя фраза носит неприкрыто полемический характер. Действительно, эти отрубленные "черкесские головы", воздетые на шести в крепости Прочный Окоп, сильно подмочили репутацию Г.Х.Засса, несмотря на многочисленные случаи истинно рыцарского отношения к отдельным представителям горцев на поле боя и в последующие ближайшие часы, что составило сюжеты многих рассказов о генерале. Люди, хорошо относившиеся к нему, старались не упоминать в своих записях и мемуарах этого порочащего факта. Другие наоборот - всячески привлекали к нему внимание, причем резкие эскапады пришлись многим по вкусу. Так, известный в ту пору "кавказец", побывавший в плену у горцев, барон Ф.Торнау, в своих воспоминаниях писал: "А кому любопытным показалось поскорее познакомиться со славными его (генерала Засса, В.В.) делами, тому советую попытаться, не окажется ли у какого-нибудь букиниста... книжонка... под заглавием "Проделки на Кавказе"...". Правда, в другом случае, встав выше личных обид и подозрений, тот же автор пишет иначе:

"Пользуясь свободой действовать оборонительно и наступательно, как ему заблагорассудится, только бы он успел изменить тревожное положение, в котором находилась Линия, генерал (Засс, - В.В.) действительно успел, путем удачных набегов, уменьшить неприятельские нападения на наши границы и если не покорить окончательно, то принудить, по крайней мере, абазинские аулы и черкесские общества между Кубанью и Белой смириться перед русской силой. Абреков, более всего опасных для спокойствия края, он постарался переманить на русскую сторону и вообще истреблять их всеми способами. В этом случае он поступал с черкесами по-черкесски". Удивительно точны последние слова!

И Е.Е.Нарышкина - жена декабриста и гостеприимнейшая хозяйка дома в станице Прочноокопской - говорила по свидетельству Н.И.Лорера: "Как я могу быть довольна Зассом? В крепости Прочный Окоп висят головы. Все-таки мы просвещенные люди, а на частокол поглядишь, кажется, попали к людоедам..." Однажды, как описывает тот же автор, Засс пригласил к себе Нарышкину в гости, и она согласилась с условием, что неприятельские головы будут сняты. Засс исполнил ее желание, и декабристы собрались в его домике. В те часы, входя в кабинет генерала, Лорер был поражен каким-то нестерпимым, отвратительным запахом. Засс сказал, легко засмеявшись: "Люди мои, вероятно, поставили под кровать ящик с головами". И верно, два дюжих казака вытащили огромный сундук с несколькими головами, которые кошмарно "смотрели" на присутствующих стеклянными глазами. "Зачем они здесь у вас?" - ахнул Лорер. Засс ответил прямо, с присущим педантизмом: "Я их выпариваю, очищаю и рассылаю по разным академическим кабинетам и друзьям моим, профессорам в Берлине". Оторопь берет от этой откровенности и фактов, ею рекламируемых! И снова подчеркнем, что, разумеется, не Засс был изобретателем скверного обычая отсечения голов у поверженных в бою врагов. Но сколько бесчеловечности и холодного цинизма под маской содействия науке выказывает в приведенных репликах симпатичный многими чертами генерал Засс?! И вовсе не зря тот же Н.И.Лорер именует "отвратительным зрелищем" вид голов несчастных, воздетых на шести...

Поэтому неуклюжие попытки Г.Атарщикова оправдать "волчий вой" в устах цивилизованного человека вряд ли убедят в полной моральной состоятельности его кумира. Но нет нужды и нагнетать эмоции, страсти, пытаться приписать нелюбимому образу больше отрицательных свойств, чем он того заслужил или имел в реальности!

Свой обличительный этюд Н.И.Лорер завершает моралистически: "Мне показался страшным генерал Засс, и я невольно сравнил его с анапским комендантом Ротом, который придерживается совершенно противной системе и старается привязать к себе горцев ласковым, человеческим обращением и соблазняет их выгодами и барышами торговли, как вернейшим средством сближения с более образованным народом русским... Засс не достиг своей цели и горцы так его ненавидели, что присылали депутатов к Роту с наивною просьбою помочь им пушками и казаками и идти вместе с ними против Засса". Однако всякие назидательные сравнения и противопоставления "хромают", а наивные "мечтания" горцев бывали весьма далеки от действительности.

Декабрист, очевидно, не видел "страшного" генерала устроителем прочноокопских ярмарок и не знал, как репрессивно мастеровит был понравившийся ему Рот во главе солдат и казаков, действовавших в Закубанье по обычным меркам этой разорительной, истребительной и взаимножестокой войны. Не учитывал Н.И.Лорер и то, что майор (позже полковник) Рот с 1834 по 1840 г. командовал Кубанским лицейным полком под непосредственным начальством Засса, размещавшимся в станице Прочноокопской, а потому прямо причастен к весьма разнохарактерным проявлениям зассовского боевого нрава и темперамента.

При оценке Г.Х.Засса часто вспоминаются суждения известного кавказоведа Е.Вейденбаума: "Начальствуя над кордонной Линией, он имел всегда возможность под тем или иным предлогом предпринимать набеги в неприятельские пределы. Ловко составленные реляции доставляли награды участникам этих экспедиций. Поэтому приезжая молодежь с особою охотою просила о прикомандировании к штабу начальника правого фланга. Засс ласкал людей со связями и давал им способы к отличию. За то благодарные "фазаны" с восторгом рассказывали во влиятельных петербургских гостиных о чудесных его подвигах".

Сказано сурово, но вряд ли во всем объективно! Конечно, использование батальных акций для карьеристских целей присуще части офицерства и командования в любой войне. И генерал Засс не был тут исключением! Но отнюдь не "во влиятельных петербургских" салонах и вовсе не "благодарными "фазанами" (то есть парадно-пестро обмундированными гвардейцами) "со связями" выведены строки воспоминаний целой группы опальных, ссыльных, разжалованных, приговоренных "к Кавказу" декабристов, которые делятся своими впечатле-

ниями о доброжелательности, душевном отношении генерала Засса, о его товарищеском, дружеском и покровительственном участии в их военно-бытовой судьбе. Объяснимы и его внешне шокирующие приказы, согласно которым, прибывшие в Прочный Окоп декабристы, стремительно отсылались в состав военных экспедиций и "на поле сражения" с горцами. По военным канонам тех лет только активное, личное участие в боях обеспечивало надежду на "царское прощение", офицерскую выслугу, выход в отставку. Иного пути с фронта военных действий для "государственных преступников" не было!

Стоит добавить, что генерал Засс не робел, чтобы поднять голос в оправдание или смягчение наказания тем перебежчикам с российской стороны к сопротивляющимся горцам, которые, раскаявшись, вернулись в границы Отечества, если не чрезмерно запятнали себя жестокостями на "той стороне". Случалось (как, например, с Семеном Атарщиковым), он крепко ошибался в своей мягкости, но происходила следующая драма и... Григорий Христофорович не отступал от принципов помощи тому, кто попал в беду.

В самые драматические мгновения стремительных и скоротечных боев с горцами безупречно храбро, дальновидно и находчиво действующий генерал провозглашал: "...Отступления со мной нет, не было и не будет! Одна храбрость и быстрота! Вперед на неприятеля!". И это не пустой звук. Г.Х.Засс был блестящим "полевым командиром", за что и снискал глубокое уважение и восхищение солдат и казаков, восхвалявших и воспевавших его. Это же свойство ввергало горцев в ненависть, но и в отдельных случаях, в панический восторг. Линейные же казаки в своих исторических песнях восхваляли защитника кубанских станиц, ласково именуя его "Зассушкой".

А вот свидетельства современников. М.М.Нарышкин: "Ему только давай походы..."; А.Е.Розен: "Генерал Засс, страшилище черкесов, оставил по себе продолжительное воспоминание на Кавказе. Экспедиции были для него забавою, потребностью, как травля для охотников, как вода для рыбы. Две недели, проведенные в покое, навели тоску на него или возрождали болезнь. Между тем неожиданный ночной набег и опасность вылечивали его в минуту..."

Остро критично относящийся к Зассу, Н.И.Лорер пишет: "Однажды мы были у генерала, и он был как-то особенно с нами любезен, но вдруг исчез. Прождав его довольно долго, мы осведомились о хозяине и узнали, что он ушел за Кубань, узнав, что горцы в сборе. В разговоре с Зассом я заметил ему, что мне не нравится его система войны, и он тогда же ответил: "Россия хочет поко-

рить Кавказ во что бы то ни стало. С народами, нашими неприятелями, чем взять, как не страхом и грозой? Филантропия здесь не уместна..." Сказано прямо, без увиливаний и экивоков. Причем в самом ответе звучат не только особенности человеческого характера, но и непререкаемая концепция собственной и чужой жертвенности на алтаре державности, государственных интересов империи: "Россия хочет во что бы то ни стало...", и в достижении этой цели - все средства хороши!..

Это понимали многие! Спокойна и взвешенная характеристика, данная Зассу А.А.Бестужевым-Марлинским в письме из Ставрополя от 12 апреля 1835 года: "Он храбрый, дельный, умный человек: он усмирил Закубанье и силой, и хитростью, не щадя ни своей, ни вражеской крови, и, несмотря на средства - то картечью, то пулей - и лучше его на место им занимаемое, не только не найти - выдумать нельзя, но он честолюбив до мелочности, бредит эполетами и крестами, хоть этого и не высказывает, и в речах себя не забудет. Со всем тем он самое занимательное, оригинальное лицо, начиная с его усатой физиономии до разбитой пулями походки..."

"Честный, веселый немец"; "храбрый, дельный, умный человек" Григорий Христофорович Засс в решении возложенных на него властью и эпохой исторических задач действовал как суровый средневековый рыцарь "без страха и упрека", меньше всего заботясь о том, как откликнутся его дерзкая наступательность, воинственность, отвага и хитрость, увлеченность реализацией геополитической идеи в умах и сердцах потомков тех, кого он числил в понятии "неприятель". Его самым большим достижением на Кавказе было создание и освоение Лабинской (Новой) Линии, решительно приблизившей полное "покорение", "усмирение" (а фактически и завоевание) Северо-Западного Кавказа, повлекшее за собой самые разноречивые последствия, но навсегда включившие Прикубанье в границы России.

И вновь "столкнем" впечатления. "Размещение первых станиц (Новой Линии) принесло большую пользу впоследствии и оказалось лучшей мерой как для взаимной поддержки, так и для отражения набегов хищников в наши пределы". "Все эти громко расписанные набег и подвиги Засса имели результатом утомление войск и немалые потери; крайнее озлобление туземцев, особенно потому, что нередко разорялись такие из них, которые заявляли желание покориться и долго жили совершенно мирно..."

Взаимоисключающие оценки и мнения не случайны. Они отражают, как говорится, обе стороны медали!..

И тем не менее, вполне закономерно сохранение исторического имени Зассовская за одной из станиц Лабинского района Краснодарского края. Вероятно, не за горами возвращение названия улицам, прежде носившим имя военачальника, не только в городе Армавире, основателем которого он по праву считается, но и в других соседних населенных пунктах. Весьма неоднозначная, но стойкая память о боевых и гражданских деяниях генерала Засса праве полагаться на внимание потомков тех, кто вместе с ним в нелегкой борьбе населял отвоеванные и осваиваемые под его командованием земли Восточного Закубанья.

В самом зените своей известности, в 1842 году, барон оставил воюющий регион, чтобы, дослужившись до чина генерала-от кавалерии, еще не раз (теперь уже в других местах) подтвердить свою позицию вдохновенного и преданного охранителя той России, которая и породила его, как яркого представителя своеобразного военно-политического типа. В российской истории место его бесспорно!

P.S.:

Спустя более, чем 30 лет, генерал фон Засс в своих воспоминаниях объяснял: "...Принятая мною, с самого начала командования моего, система наступательной войны необходима была, по мнению моему, со стороны Лабинского кардона. Только следуя ей, мы могли воздержаться и на будущее время мирных горцев от измены, а непокорных от частых вторжений в наши границы мелкими партиями и даже сильными сборищами. Неприятель, зная силу нашего оружия, не так скоро решается на предприятия, для которых нужно было ему отправлять вдаль своих лучших людей и тем ослаблять защиту своих аулов. Что же касается набегов хищнических партий и сборищ, то, видя активную невозможность отражать их покушения одними оборонительными мерами на всем протяжении Линии, я по долговременному опыту своему, убедился в необходимости предупреждать их на месте всякий раз, когда получал от них известие. Кроме того, что этот образ действия поддерживал страх нашего оружия в горах, он имел еще ту явную пользу, что легче найти сборище на месте врасплох, или отыскать его вскоре по выступлении по ту сторону Лабы, чем выследить и на-

стичь его на всем пространстве степи между Лабой и Кубанью, где след его легко мог затеряться во множестве следов мирных горцев и их стад...

Хотя некоторые из покоренных мною горских племен, по покорении, удалились потом в горы, по легковёрности своей к подстрекательству злоумышленных горцев, но они неоднократно были наказаны за вероломство потерю лучших своих вождей и наездников и, не имея более таковых, не могли быть для нас столь опасны, как прежде".

Бывшие же сослуживцы, встречаясь в ту пору с генералом в отставке, отмечали его неподдельное внимание к развитию кавказской ситуации: "...Григорий Христофорович горячо интересовался последними переменами и преобразованиями, совершившимися на Кавказе. Его расспросам, по поводу этих перемен, казалось, не будет конца; несказанно радовался он успеху русского оружия, и покорению, и заселению края, и реформам, и развитию гражданственно-экономического строя по высоким управлением Августейшего Наместника. Слушая мой краткий перечень событий на Кавказе, генерал повторял только: "слава Богу, слава Богу!..."

Этими словами много сказано!

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА О Г.Х.ЗАССЕ:

Атарщиков Г. Заметки старого кавказца о боевой и административной деятельности на Кавказе генерал-лейтенанта, барона Григория Христофоровича Засса // Военный сборник. – 1870. - № 8.

А-в Г. Несколько слов о генерале Зассе // Русский инвалид. – 1873. - № 146.

Виноградов В.Б. Страницы истории Средней Кубани. – Армавир, 1993.

Виноградов В.Б. Черты портрета генерала фон-Засса // Российский исторический журнал. – 1996. - № 1.

Виноградов В.Б. "Он усмирил Закубанье" // Известия Русского исторического Общества. – М., 2000. - № 2(150).

Генерал Засс (воспоминания) // Иллюстрированная газета. – 1873. - № 4, 5, 8.

Генерал от кавалерии фон-Засс. Некролог // Русский инвалид. – 1883. - № 277.

Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. – СПб., 1871-1887. – Т. 1-5.

Засс Григорий Христофорович // Русский биографический словарь. – Т. 7. – Пг., 1916.

Луночкин А., Михайлов А. Григорий Засс и Яков Бакланов // Родина. – 2000. - № 1-2.

Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф.Торнау. Воспоминания и документы. – Нальчик, 1999.

Трехбратов Б.А. Засс Григорий Христофорович // Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. – Краснодар, 1997.

Трудные годы. Декабристы на Кавказе. – Краснодар, 1985.

Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. – Т. II. – Екатеринбург, 1913.

Подписано в печать 19.05.2000 г. Формат бумаги 60x84/16. Бумага газетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,25. Уч. изд. л. 1,5. Заказ № 1568-п. Тираж 1000. Государственное унитарное предприятие «Армавирское полиграфпредприятие» комитета по печати администрации Краснодарского края. 352900 г. Армавир, ул. Комсомольская, 123.